

И (ДАТ)
№ А.65

ХАНС-КРИСТИАН
АНДЕРСЕН

СКАЗКИ

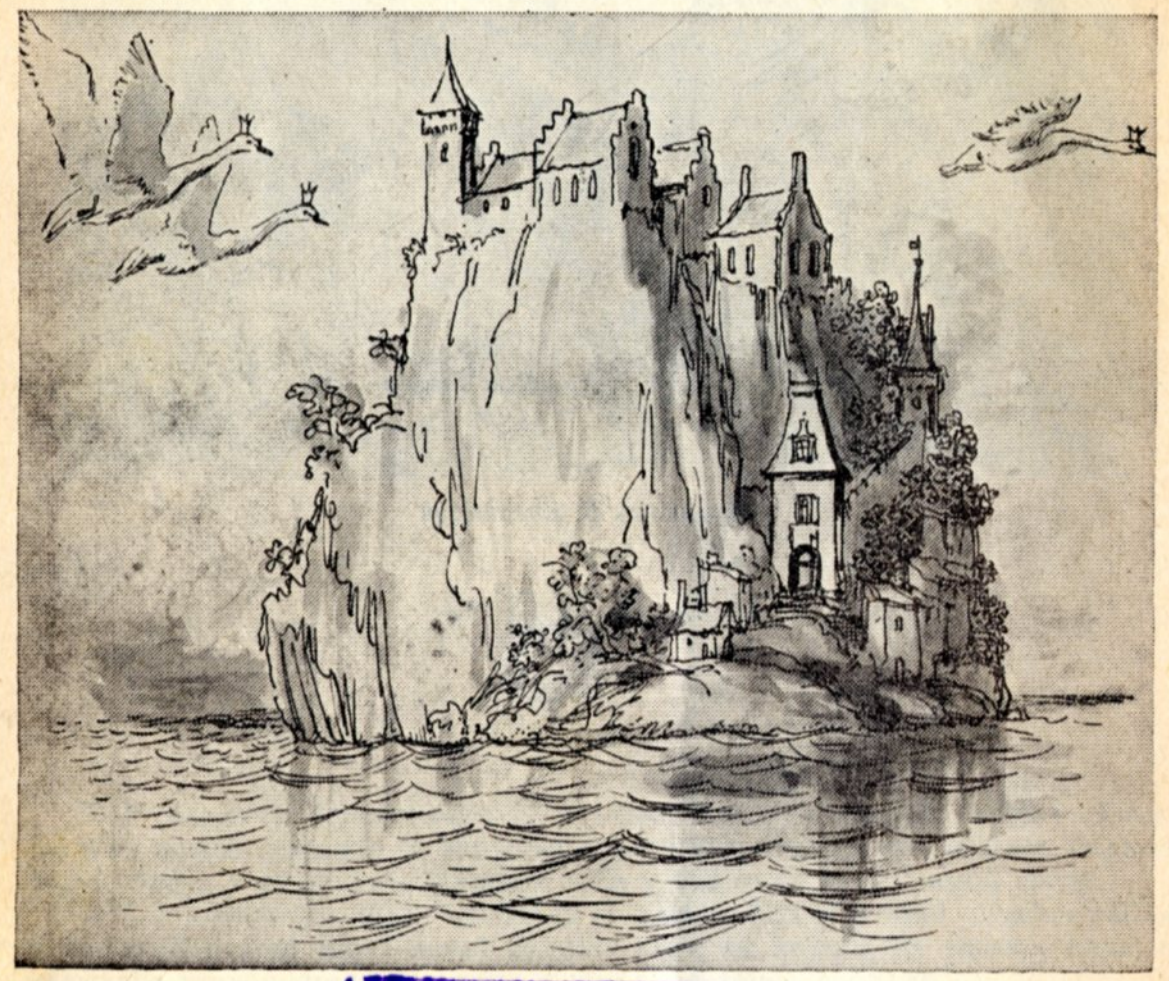

И(дат) 224941
Мп. А.65 Андерсен Х.К.
Сказки.
1990г.

224941

ХАНС-КРИСТИАН
АНДЕРСЕН
СКАЗКИ

2015 год.

Ассоциация Республиканская
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИЗБ. № 224941

ЛЕНИЗДАТ
1990

И (дат.)

84.4 Дания

A71 A.65

Перевод с датского А. Ганзен

Художник В. Конашевич

О Г Н И В О

Шёл солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку. Он шёл домой с войны. И вдруг на дороге встретилась ему ведьма. Ведьма была старая и страшная. Нижняя губа у неё отвисла до самой груди.

— Здорово, служивый! — сказала ведьма. — Какая у тебя славная сабля и большой ранец! Вот brave солдат! Всем ты хорош, да только, поди, в карманах у тебя пусто. Хочешь, я дам тебе денег, солдат?

— Спасибо, старая ведьма. От денег только дураки отказываются! — сказал солдат и подставил было свой карман.

— Э, нет, — сказала ведьма, — погоди немного! Вон видишь то большое дерево — оно внутри пустое. Полезай на дерево, там наверху дупло. Лезь в это дупло и спускайся в самый низ. А я обвяжу тебя верёвкой вокруг пояса и вытащу назад, как только ты крикнешь.

— А зачем мне лезть в это дупло?— спросил солдат.

— За деньгами,— сказала ведьма.— Дерево это непростое. Как спустишься в самый низ, увидишь длинный подземный ход. Там совсем светло — днём и ночью горят сотни ламп. Иди, не сворачивая, по подземному ходу. А дойдёшь до конца, прямо перед тобой будут три двери. В каждой двери торчит ключ. Поверни его, и дверь откроется. В первой комнате стоит большой сундук. На сундуке сидит собака. Глаза у этой собаки — словно два чайных блюдца. Но ты не бойся. Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу и смело хватай собаку. А схватишь — сажай её скорее на мой передник. Ну а потом открывай сундук и бери из него денег сколько хочешь. Да только в этом сундуке одни медные деньги. А если серебра захочешь, ступай во вторую комнату. И там стоит сундук. И на том сундуке сидит собака. Глаза у неё — что твои мельничные колёса. Только ты не пугайся — хватай её и сажай на передник, а потом бери себе серебряные денежки. Ну а уж если золота тебе захочется, иди в третью комнату. Посреди третьей комнаты стоит сундук, доверху набитый золотом. Сундук этот сторожит самая большая собака. Каждый глаз у неё величиной с башню. Сумеешь ты посадить её на мой передник — твоё счастье: не тронет тебя собака. Бери тогда золота сколько твоей душе угодно!

— Всё это очень хорошо,— сказал солдат.— Но что же ты с меня возьмешь за это, старая ведьма? Ведь что-нибудь да нужно тебе от меня.

— Я не возьму с тебя ни полушки!— сказала ведьма.— Только принеси ты мне старое огниво, которое позабыла там внизу моя бабушка, когда лезла туда последний раз.

— Ну ладно, обвязывай меня верёвкой!— сказал солдат.

— Готово!— сказала ведьма.— А вот тебе мой клетчатый передник.

И солдат полез на дерево. Нашёл он дупло и спустился по нему в самый низ. Как сказала ведьма, так всё и вышло: смотрит солдат — перед ним подземный ход. И светло там как днём — сотни сотен ламп горят.

Пошёл солдат по этому подземелью. Шёл, шёл и дошёл до самого конца. Дальше идти некуда. Видит солдат — перед ним три двери. А в дверях ключи торчат.

Открыл солдат первую дверь и вошёл в комнату. Посреди комнаты сундук стоит, на сундуке сидит собака. Глаза у неё — словно два чайных блюдца. Глядит на солдата собака и вертит глазами в разные стороны.

— Ну и чудище!— сказал солдат, схватил собаку и мигом посадил её на ведьмин передник.

Тут собака присмирела, а солдат открыл сундук и давай оттуда деньги таскать. Набрал себе полные карманы медных денег, закрыл сундук и опять посадил на него собаку, а сам пошёл в другую комнату.

Правду сказала ведьма — и в этой комнате на сундуке сидела собака. Глаза у неё были что мельничные колёса.

— Ну, чего ты на меня уставилась? Как бы твои глазищи не выскочили!— сказал солдат, схватил собаку и посадил на ведьмин передник, а сам скорее к сундуку.

В сундуке серебра полным-полно. Выбросил солдат из карманов медные деньги, набил оба кармана и ранец серебром. Потом вошёл солдат в третью

комнату. Вошёл — и рот разинул. Ну и чудеса! Среди комнаты стоял золотой сундук, а на сундуке сидело настоящее страшилище. Глаза — ни дать ни взять две башни. Вертелись они, точно колёса самой быстроходной кареты.

— Здравия желаю!— сказал солдат и взял под козырёк, как будто он стоял перед генералом.

Долго смотреть он, впрочем, не стал. Схватил собаку в охапку, посадил её на ведьмин передник, а сам открыл сундук. Батюшки, сколько тут было золота! На это золото можно было бы купить целый столичный город, все игрушки, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все пряники на свете. На всё хватило бы.

Тут солдат повыкидывал из карманов и ранца серебряные деньги и обеими руками начал выгребать из сундука золото. Набил золотом карманы, набил ранец, шапку, сапоги. Столько набрал золота, что еле-еле с места сдвинулся. Вот теперь-то он был богат!

Посадил он собаку на сундук, захлопнул дверь и закричал:

— Эй, тащи меня назад, старая ведьма!

— А огниво моё ты взял?— спросила ведьма.

— Ах ты, чёрт побери, совсем было забыл про твоё огниво!— сказал солдат.

Пошёл он назад, отыскал ведьмино огниво и сунул его в карман.

— Ну, тащи! Нашёл твоё огниво!— крикнул он ведьме.

Ведьма дёрнула верёвку и вытащила солдата наверх. И очутился солдат опять на большой дороге.

— Ну, давай мне огниво!— сказала ведьма.

— На что тебе, ведьма, это огниво?— спросил солдат.

— Не твоё дело!— сказала ведьма.— Ты ведь получил деньги. Отдай же мне огниво!

— Ну нет!— сказал солдат.— Говори сейчас же, зачем тебе огниво, не то я вытащу саблю да отрублю тебе голову.

— Не скажу!— ответила ведьма.

Тогда солдат схватил саблю и отрубил ведьме голову. Упала ведьма на землю да тут и умерла. А солдат завязал все свои деньги в ведьмин клетчатый передник, взвалил узел на спину и отправился прямо в город.

Город был большой и богатый. Солдат пошёл в самую большую гостиницу, нанял себе самые лучшие комнаты и приказал подать все свои любимые кушанья — ведь он теперь был богачом.

Слуга, который чистил его сапоги, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, — ведь солдат еще не успел купить новые. Зато на другой день он купил себе самую красивую одежду, шляпу с пером и сапоги со шпорами.

Теперь солдат стал настоящим барином. Ему рассказали обо всех чудесах, какие были в этом городе. Рассказали и о короле, у которого была прекрасная дочь принцесса.

— А как бы мне повидать эту принцессу?— спросил солдат.

— Ну, это не так-то просто,— сказали ему.— Принцесса живёт в большом медном замке, а вокруг замка высокие стены и каменные башни. Ни-

кто, кроме самого короля, не смеет ни войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, что его дочери суждено стать женой простого солдата. А королю породниться с простым солдатом, понятно, не очень-то хочется. Вот он и держит принцессу взаперти.

Пожалел солдат, что нельзя поглядеть на принцессу, да, впрочем, долго горевать не стал.

И без принцессы зажил он весело: ходил в театры, гулял в королевском саду и раздавал деньги бедным. Он ведь сам испытал, как плохо сидеть без гроша в кармане.

Ну а раз солдат был богат, жил весело и одевался красиво, то и друзей у него стало много. Все называли его славным малым, настоящим барином, а это ему очень нравилось.

Вот тратил, тратил солдат деньги и видит однажды — осталось в кармане у него всего-навсего две денежки. И пришлось солдату перебраться из хороших комнат в тесную каморку под самой крышей. Вспомнил он прежние времена: стал сам чистить себе сапоги и зашивать на них дырки. Никто из друзей больше не навещал его — уж очень высоко теперь было подниматься к нему.

Раз как-то вечером сидел солдат в своей каморке. Уже совсем стемнело, а у него не было денег даже на свечку. Тут он и вспомнил про ведьмино огниво. Достал солдат огниво и стал высекать огонь. Только ударил он по кремню, дверь распахнулась и вбежала собака с глазами точно чайные блюдца. Это была та самая собака, которую солдат видел в первой комнате подземелья.

— Что прикажешь, солдат? — спросила собака.

— Вот так штука! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, непростое. Не выручит ли оно меня из беды?

— Добудь-ка мне деньжонок! — приказал он собаке.

И только он это вымолвил, собаки и след простыл. Но не успел солдат сосчитать до двух, как собака уже тут как тут, а в зубах у неё большой мешок, битком набитый медными деньгами.

Понял теперь солдат, что за чудесное было у него огниво. Стоило ударить по кремню один раз — являлась собака с глазами что чайные блюдца. А два раза ударит солдат — бежит к нему собака с глазами как мельничные колёса. Три раза ударит, и собака, у которой каждый глаз с башню, стоит перед ним и ждёт приказаний. Первая собака тащит ему медные деньги, вторая серебро, а третья — чистое золото.

И вот солдат опять разбогател, перебрался в самые лучшие комнаты, снова стал щеголять в нарядном платье. Тут все его друзья опять повадись ходить к нему и очень его полюбили.

Как-то раз пришло солдату в голову: «А почему бы мне не повидать принцессу? Все говорят, что она такая красавица. Что толку, если она век свой просидит в медном замке, за высокими стенами да башнями? Ну-ка, где моё огниво?»

И он ударил по кремню один раз. В тот же миг явилась собака с глазами словно блюдца.

— Вот что, любезная! — сказал солдат. — Теперь, правда, уже ночь, но я хочу поглядеть принцессу. Доставь-ка её сюда на минуточку. Ну, шагом марш!

Собака тотчас же убежала, и не успел солдат опомниться, как она явилась снова, а на спине у неё лежала спящая принцесса.

Принцесса была чудо как хороша. С первого взгляда было видно, что это настоящая принцесса. Солдат наш никак не мог удержаться, чтобы не поцеловать её, — на то ведь он и был солдат, настоящий кавалер, с головы до пяток. Потом собака отнесла принцессу назад так же, как и принесла.

За утренним чаем принцесса рассказала королю и королеве, что она видела ночью удивительный сон: будто она ехала верхом на собаке и какой-то солдат целовал её.

— Вот так история! — сказала королева.

Видно, ей этот сон не очень понравился.

На следующую ночь к постели принцессы приставили старуху фрейлину и приказали разузнать, был ли то в самом деле сон или что-нибудь другое.

А солдату опять до смерти захотелось увидеть красавицу принцессу.

И вот ночью в медный замок, как и вчера, явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть. Тут старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь-то мы разыщем молодчика!» И она нарисовала мелом на воротах дома большой крест, а сама спокойно отправилась домой спать.

Но напрасно она успокоилась: когда пришло время нести принцессу назад, собака увидела на воротах крест и сейчас же догадалась, в чём тут дело. Она взяла кусок мела и наставила кресты на всех воротах города. Это

было ловко придумано: теперь фрейлина никак не могла бы отыскать нужные ворота — ведь повсюду стояли такие же белые кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все королевские офицеры пошли посмотреть, куда ездит принцесса на собаке по ночам.

— Вот куда! — сказал король, увидев белый крест на первых воротах.

— Нет, вот куда! — сказала королева, увидев крест на других воротах.

— А вон и там крест, и здесь! — сказали офицеры.

И на какие бы ворота они ни смотрели, везде были белые кресты. Так и не добились они никакого толку.

Но королева была женщина умная, мастерица на все руки, а не только в каретах разъезжать. Она приказала слугам подать свои золотые ножницы и кусок шёлку и сшила красивый маленький мешочек. В этот мешочек она насыпала гречневой крупы и незаметно привязала его на спину принцессе. Потом проткнула в мешочке дырку, чтобы крупа понемногу сыпалась на дорогу, когда принцесса поедет к своему солдату.

И вот ночью явилась собака, посадила принцессу к себе на спину и понесла к солдату. А солдат уже успел так полюбить принцессу, что от всей души хотел жениться на ней. Да и принцем стать было бы недурно.

Собака бежала быстро, а крупа сыпалась из мешочка по всей дороге от медного замка до дома солдата. Но собака ничего не заметила.

Поутру король и королева вышли из дворца, поглядели на дорогу и сразу узнали, куда ездила принцесса. Солдата схватили и посадили в тюрьму.

Долго сидел солдат за решёткой. В тюрьме было темно и скучно. И вот однажды стражник сказал солдату:

— Завтра тебя повесят!

Грустно стало солдату. Думал он, думал, как от смерти спастись, но ничего не мог придумать. Ведь своё чудесное огниво солдат забыл дома.

На другой день утром солдат подошёл к маленькому окошечку и стал смотреть сквозь железную решётку на улицу. Народ толпами валил за город посмотреть, как будут вешать солдата. Били барабаны, проходили войска. И вот мимо самой тюрьмы пробежал какой-то мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях на босу ногу. Он мчался вприпрыжку, и вдруг одна туфля слетела у него с ноги и ударилась прямо о стену тюрьмы, около того решетчатого окна, у которого стоял солдат.

— Эй, молодчик, не спеши! — крикнул солдат. — Я ведь ещё здесь, а без меня там дело не обойдётся. А вот если ты сбегашь ко мне домой и принесёшь мне огниво, я дам тебе целых четыре серебряные монетки. Ну, живо! Бери ноги в руки — и марш!

Мальчишка был не прочь получить четыре серебряные монетки и стрелой пустился за огнивом, мигом принёс его, отдал солдату и...

Вот послушайте, что из этого вышло.

За городом была построена большая виселица. Вокруг неё стояли войска и толпы народу. Король и королева восседали на великолепном троне. Напротив сидели судьи и весь государственный совет. И вот солдата ввели на лестницу, и палач уже собирался накинуть ему петлю на шею.

Но тут солдат попросил минутку подождать.

— Мне бы очень хотелось, — сказал он, — выкурить трубочку табаку — ведь это будет самая последняя трубочка в моей жизни.

А в этой стране был такой обычай: последнее желание осуждённого на казнь должно быть исполнено. Конечно, если это было совсем пустяковое желание.

Поэтому король никак не смог отказать солдату. И солдат сунул в рот трубку, вытащил своё огниво и стал высекать огонь. Ударил он по кремню раз, ударил два, ударил три — и вот перед ним появились три собаки. У одной глаза были как чайные блюдца, у другой — как мельничные колёса, у третьей — как башни.

— Ну-ка, помогите мне избавиться от петли! — сказал им солдат.

Тут все три собаки бросились на судей и на государственный совет: того схватят за ноги, этого за нос, и давай подбрасывать, да так высоко, что, падая на землю, все разбивались вдребезги.

— Меня не надо! Я не хочу! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила обоих кверху. Тут войско испугалось, а народ стал кричать:

— Да здравствует солдат! Будь, солдат, нашим королём и возьми себе в жёны прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету и повезли во дворец. Три собаки плясали перед каретой и кричали «ура». Мальчишки свистели, а войска отдавали честь. Принцесса вышла из медного замка и сделалась королевой. Понятно, она была очень довольна.

Свадебный пир продолжался целую неделю. Три собаки тоже сидели за столом, ели, пили и вертели своими громадными глазами.

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

Далеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочь, которую звали Элизой. Одиннадцать братьев-prinцев уже ходили в школу; у каждого на груди блистала звезда и у левого бока гремела сабля. Принцы писали алмазными грифелями на золотых досках и отлично умели читать — и по книжке и без книжки, на память. Конечно, так хорошо читать могли только настоящие принцы. Пока принцы учились, сестра их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, которая стоила полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям! Но скоро всё пошло по-другому.

Умерла их мать, и король женился снова. Мачеха была злая колдунья и невлюбила бедных детей. В первый же день, когда во дворце праздновали

свадьбу короля, дети почувствовали, какая злая у них мачеха. Они затеяли игру «в гости» и попросили королеву дать им пирожных и печёных яблок, чтобы накормить своих гостей. Но мачеха дала им чайную чашку простого песка и сказала:

— Хватит вам и этого!

Прошла ещё неделя, и мачеха задумала избавиться от Элизы. Она отправила её в деревню к каким-то крестьянам на воспитание. А потом злая мачеха стала наговаривать королю на бедных принцев и насаждала столько дурного, что король не хотел больше и видеть своих сыновей.

И вот королева велела позвать принцев, и, когда они приблизились к ней, она крикнула:

— Пусть каждый из вас превратится в чёрного ворона! Летите прочь из дворца и сами добывайте себе пропитание!

Но ей не удалось довести до конца своё злое дело. Принцы превратились не в безобразных ворон, а в красивых диких лебедей. С криком вылетели они из окон дворца и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда одиннадцать лебедей пролетали мимо хижины, где спала ещё крепким сном их сестрица Элиза. Они долго летали над крышей, вытягивая свои гибкие шеи и хлопая крыльями, но никто не слышал их и не видел. Так и пришлось им улететь дальше, не повидав своей сестры. Высоко-высоко, к самым облакам, взвились они и полетели в большой, тёмный лес, который тянулся до самого моря.

А бедняжка Элиза осталась жить в крестьянской хижине. Целые дни она играла зелёным листочком — других игрушек у неё не было; она проткнула в листочке дырочку и смотрела сквозь неё на солнце — ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев.

Дни шли за днями. Порой ветер колыхал розовые кусты, распутившиеся возле дома, и спрашивал у роз:

— Есть ли кто-нибудь красивее вас?

И розы, качая головками, отвечали:

— Элиза красивее нас.

И вот наконец Элизе минуло пятнадцать лет, и крестьяне отослали её домой во дворец.

Королева увидела, как прекрасна её падчерица, и ещё больше возненавидела Элизу. Злой мачехе хотелось бы превратить Элизу, как и её братьев, в дикого лебедя, но этого она не могла сделать: король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в свою мраморную купальню, всю разубранную чудесными коврами и мягкими подушками. В углу купальни сидели три жабы. Королева взяла их в руки и поцеловала. Потом она сказала первой жабе:

— Когда Элиза войдёт в купальню, сядь ей на голову — пусть она делается такой же глупой и ленивой, как ты.

Другой жабе королева сказала:

— А ты прыгни Элизе на лоб — пусть она станет такой же безобразной, как ты. Тогда и родной отец её не узнает... Ну, а ты ляг ей на сердце!—

шепнула королева третьей жабе.— Пусть она станет злой, чтобы никто её не любил.

И королева бросила жаб в прозрачную воду. Вода тотчас же стала зелёной и мутной. Королева позвала Элизу, раздела её и велела ей войти в воду. Как только Элиза ступила в воду, одна жаба прыгнула ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь. Но Элиза даже не заметила этого. А три жабы, прикоснувшись к Элизе, превратились в три красных мака. И Элиза вышла из воды такой же красивой, как и вошла.

Тогда злая королева натёрла Элизу соком грецкого ореха, и бедная Элиза стала совсем чёрной. А потом мачеха вымазала ей лицо вонючей мазью и спутала её чудные волосы. Теперь бы никто не смог узнать Элизу. Даже отец, взглянув на неё, испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не узнавал Элизу. Только старая цепная собака с приветливым лаем бросилась к ней да ласточки, которых она часто кормила крошками, прошебетали ей свою песню. Но кто же станет обращать внимание на бедных животных?

Горько заплакала Элиза и тайком ушла из дворца. Целый день брела она по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда ей идти. Она всё думала о братьях, которых злая мачеха тоже выгнала из родного дома. Элиза решила искать их повсюду, пока не найдёт.

Когда Элиза добралась до леса, уже настала ночь, и бедная девушка совсем сбилась с дороги. Она опустилась на мягкий мох, а голову положила на пенёк. В лесу было тихо и тепло. Сотни светлячков, точно зелёные огоньки, мелькали в траве, а когда Элиза задела рукой за кустик, какие-то блестящие жучки посыпались с листьев звёздным дождём.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, вместе играли, писали алмазными грифелями на золотых досках и рассматривали

чудесную книжку с картинками, за которую отдано было полкоролевства. Картинки в книжке были живые: птицы распевали и люди выскакивали со страниц книги и разговаривали с Элизой и её братьями; но как только Элиза переворачивала страницу, люди прыгали обратно — иначе в картинках вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнце стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько разглядеть его за густой листвой деревьев. Только иногда солнечные лучи пробивались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве. Невдалеке слышалось журчание ручейка. Элиза подошла к ручейку и нагнулась над ним. Вода в ручейке была чистая и прозрачная. Если бы не ветер, шевеливший ветвями деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне ручейка, — так ясно они отражались в спокойной воде.

Элиза увидела в воде своё лицо и очень испугалась — такое оно было чёрное и безобразное. Но вот она зачерпнула рукой воды, потёрла глаза и лоб, и лицо у неё опять стало белым, как прежде. Тогда Элиза разделась и вошла в прохладный, чистый ручей. Вода тотчас же смыла с неё сок грецкого ореха и вонючую мазь, которой натёрла Элизу мачеха.

Потом Элиза оделась, заплела в косы свои длинные волосы и пошла дальше по лесу, сама не зная куда. По дороге она увидела дикую яблоню, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Элиза поела яблок, подпёрла ветви палочками и пошла дальше. Скоро она зашла в самую чащу леса. Ни одна птичка не залетала сюда, ни единый солнечный луч не проникал сквозь перепутанные ветви. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены. Кругом было так тихо, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждого сухого листка, попадавшего ей под ноги. Никогда ещё Элиза не бывала в такой глуши.

Ночью стало совсем темно, даже светлячки не светили во мху. Элиза улеглась на траву и заснула.

Рано утром она отправилась дальше и вдруг встретила старушку с корзиной ягод. Старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила её, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

— Нет, — сказала старушка, — принцев я не встречала, но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. Элиза простилась со старушкой и пошла по берегу реки.

Долго шла Элиза, и вдруг перед нею открылось безбрежное море. Ни одного паруса не было видно на море, ни одной лодочки не было поблизости.

Элиза села на камень у самого берега и задумалась: что же ей делать, куда идти дальше?

К ногам Элизы подбегали морские волны, они несли с собой мелкие камешки. Вода стёрла края камешков, и они были совсем гладкие и круглые.

И девушка подумала: «Сколько труда нужно, чтобы твёрдый камень сделать гладким и круглым! А вода делает это. Море неустанно и терпеливо катит свои волны и побеждает самые твёрдые камни. Спасибо вам за то, что вы научили меня, светлые быстрые волны! Я буду, как вы, неустанно

трудиться. Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесёте меня к моим милым братьям!»

На берегу среди сухих водорослей Элиза нашла одиннадцать белых лебединых перьев. На перьях ещё блестели капли — росы или слёз, кто знает? Вокруг было пустынно, но Элиза не чувствовала себя одинокой. Она смотрела на море и не могла насмотреться.

Вот надвигается на небо большая чёрная туча, ветер крепчает, и море тоже чернеет, волнуется и бурлит. Но туча проходит, по небу плывут розовые облака, ветер стихает, и море уже спокойно, теперь оно похоже на лепесток розы. Иногда становится оно зелёным, иногда белым. Но как бы тихо ни было в воздухе и как бы спокойно ни было море, у берега всегда шумит прибой, всегда заметно лёгкое волнение — вода тихо вздымается, словно грудь спящего ребёнка.

Когда солнце близилось к закату, Элиза увидела диких лебедей. Как длинная белая лента, летели они один за другим. Их было одиннадцать. На голове у каждого лебедя сверкала маленькая золотая корона. Элиза отошла к обрыву и спряталась в кусты. Лебеди спустились неподалёку от неё и захлопали своими большими белыми крыльями.

В эту самую минуту солнце скрылось под водой — и вдруг с лебедей упали их белые перья, и уже не одиннадцать лебедей стояли перед Элизой, а одиннадцать красавцев принцев. Элиза громко вскрикнула — она сразу узнала своих братьев, хотя за эти долгие годы они очень изменились. Элиза бросилась в их объятия и стала называть их всех по именам.

Братья очень обрадовались тому, что нашли сестрицу, которая так выросла и стала такой красивой. Элиза и братья смеялись и плакали, а потом они рассказали друг другу обо всём, что с ними случилось.

Самый старший из принцев сказал Элизе:

— Мы летаем дикими лебедями весь день, от восхода солнца до самого

заката. Когда же солнце заходит, мы снова превращаемся в людей. И вот к часу солнечного заката мы спешим опуститься на землю. Если бы мы превратились в людей в то время, когда летим высоко над облаками, мы тотчас же упали бы на землю и разбились. Живём мы не здесь. Далеко-далеко за морем лежит такая же прекрасная страна, как эта. Вот там-то мы и живём. Но дорога туда длинна, надо перелететь через всё море, а по пути нет ни одного острова, где бы мы могли провести ночь. Лишь на самой середине моря висит одинокий утёс. Он так мал, что мы можем стоять на нём, только тесно прижавшись друг к другу. Когда море бушует, брызги волн перелетают через наши головы. Но всё же, если бы не было этого утёса, нам никогда не удалось бы побывать на нашей родной земле: море широко, мы не можем перелететь через него от восхода до заката солнца. Только два раза в год, в самые длинные дни, наши крылья в силах перенести нас через море. И вот мы прилетаем сюда и живём здесь одиннадцать дней. Мы летаем над этим большим лесом и глядим на дворец, где мы родились и провели детство. Он хорошо виден отсюда. Тут каждый куст и каждое дерево кажутся нам родными. По зелёным лугам бегают дикие лошади, которых мы видели ещё в детстве, а угольщики поют те самые песни, которые мы слышали, когда жили ещё в родном дворце. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! В этот раз мы пробыли здесь уже девять дней. Через два дня мы должны улететь за море, в прекрасную, но чужую страну. Как же нам взять тебя с собою? У нас нет ни корабля, ни лодки.

— О, если бы я могла освободить вас от чар!— сказала братьям Элиза. Так они проговорили почти всю ночь и задремали только перед самым рассветом.

Элиза проснулась от шума лебединых крыльев. Братья опять стали птицами и полетели в родной лес. Только один лебедь остался на берегу с Элизой. Это был самый младший из её братьев. Лебедь положил свою голову ей на колени, и она гладила и перебирала его пёрышки. Целый день провели они вдвоём, а к вечеру прилетели десять лебедей, и, когда солнце село, они вновь превратились в принцев.

— Завтра мы должны улететь и не посмеем вернуться раньше будущего года,— сказал Элизе старший брат,— но мы не покинем тебя здесь. Полетим с нами! Я один на руках могу пронести тебя через весь лес, так неужели мы все одиннадцать на наших крыльях не сможем перенести тебя через море?

— Да, возьмите меня с собой!— сказала Элиза.

Всю ночь плели они сетку из гибкой ивовой коры и тростника. Сетка вышла большая и прочная, и братья положили в неё Элизу. И вот на восходе солнца десять лебедей подхватили сетку клювами и взвились под облака. Элиза спала в сетке сладким сном. А чтобы лучи солнца не разбудили её, одиннадцатый лебедь летел над её головой, защищая лицо Элизы от солнца своими широкими крыльями.

Лебеди были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву,— так странно было ей лететь по воздуху. Возле неё лежала ветка со спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев — их собрал и положил возле Элизы самый младший брат, и Элиза улыбнулась ему — она догадалась, что это он летел над ней и защищал её от солнца своими крыльями.

Высоко, под самыми облаками, летели братья и сестра, и первый корабль, который они увидели в море, показался им плывущей по воде чайкой.

Лебеди летели так стремительно, как летят стрелы, пущенные из лука, но всё-таки не так быстро, как всегда: ведь на этот раз они несли сестру. День стал клониться к вечеру, и зашумела непогода. Элиза со страхом глядела, как солнце опускалось всё ниже и ниже, а одинокого морского утёса всё ещё не было видно. И Элизе показалось, что лебеди уже совсем устали и с трудом машут крыльями. Зайдёт солнце, её братья на лету обратятся в людей, упадут в море и утонут. И она будет этому виновой!

Приближалась чёрная туча, сильные порывы ветра предвещали бурю, грозно сверкала молния.

Сердце Элизы затрепетало: солнце уже почти касалось воды.

И вдруг лебеди устремились вниз со страшной быстротой. Элизе показалось, что они падают. Но нет, они ещё летели. И вот, когда солнце уже наполовину ушло в воду, Элиза увидела внизу утёс. Он был очень маленький, не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Лебеди ступили на камни утёса в ту самую минуту, когда погас в воздухе последний луч солнца. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; они едва умещались на крошечном утёсе. Море бешено билось о камни и окатывало

братьев и Элизу целым дождём брызг. Небо пылало от молний, и ежеминутно грохотал гром, но сестра и братья держались за руки и ободряли друг друга ласковыми словами.

На заре буря улеглась, и опять стало ясно и тихо. Как только взошло солнце, братья с Элизой полетели дальше. Море ещё волновалось, и они видели с высоты, как белая пена плыла, точно миллионы лебедей, по тёмно-зелёной воде.

Когда солнце поднялось выше, Элиза вдруг увидела вдали огромный замок, окружённый лёгкими, словно воздушными, галереями; внизу, под стенами замка, колыхались пальмы и росли прекрасные цветы.

Элиза спросила, та ли это страна, куда они летят, но лебеди покачали головами: это был только призрачный, вечно изменяющийся облачный замок Фата-Морганы. Элиза опять посмотрела вдаль, но замка уже не было. Там, где раньше был замок, поднимались высокие горы, поросшие густым лесом. На самых вершинах гор сверкал снег, глыбы прозрачного льда спускались между неприступными скалами.

Вдруг горы превратились в целую флотилию кораблей; Элиза вгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымавшийся над водой.

Но вот наконец показалась и настоящая земля. Там, на берегу, расстилались зелёные поля, темнели кедровые леса, а вдали виднелись большие города и высокие замки. До заката солнца было ещё далеко, а Элиза уже сидела на скале перед глубокой пещерой. По стенам пещеры висели нежно-зеленые растения, как будто вышитые зелёные ковры. Это был прекрасный дом её братьев-лебедей.

— Посмотрим, что приснится тебе в эту ночь, — сказал младший брат и отвёл Элизу в её опочивальню.

— Ах, если бы я увидела во сне, как освободить вас от чар! — сказала Элиза и закрыла глаза.

И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко к тому замку, который она видела над морем. А из замка навстречу ей выходит фея Фата-Моргана. Фата-Моргана светла и прекрасна, но в то же время удивительно похожа на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

— Твоих братьев можно спасти, — сказала Фата-Моргана, — но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных рук, и всё-таки она делает камни гладкими и круглыми, но вода не чувствует боли, которую будут чувствовать твои пальцы; у воды нет сердца, которое сжимается от страха и муки, как твоё сердце. Видишь, у меня в руках крапива. Такая же крапива растёт здесь возле пещеры, и только она да ещё та крапива, которая растёт на кладбище, может тебе пригодиться. Запомни же это! Нарви крапивы, хотя руки твои покроются волдырями от ожогов; потом разомни её ногами и свей из неё длинные нити. Из этих нитей сплети одиннадцать рубашек с длинными рукавами и, когда они будут готовы, набрось их на лебедей. Чуть только рубашки коснутся их перьев, колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнёшь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь её, ты не должна говорить ни слова, хотя бы работа твоя

длилась целые годы. Первое же слово, которое сорвётся у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть в твоих руках! Помни же всё это!

И Фата-Моргана коснулась руки Элизы жгучей крапивой. Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день. У самой постели Элизы лежало несколько стеблей крапивы, точь-в-точь как та, которую она видела во сне. Тогда Элиза вышла из пещеры и принялась за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и пальцы её покрывались большими волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы спасти милых братьев! Она нарвала целую охапку крапивы, потом размяла её голыми ногами и стала вить длинные зелёные нити.

Когда зашло солнце, в пещеру прилетели братья. Они стали расспрашивать сестру о том, что она делала, пока их не было. Но Элиза не ответила им ни слова. Братья очень испугались, увидя, что сестра их стала немой.

«Это новое колдовство злой мачехи», — подумали они, но, взглянув на руки Элизы, покрытые волдырями, поняли, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слёзы его капали ей на руки, и там, куда падала слезинка, исчезали жгучие волдыри, утихала боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; об отдыхе она и не думала — она думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинёшенька, но никогда ещё время не шло так быстро. Вот уже одна рубашка была готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах послышались звуки охотничьих рогов. Элиза испугалась. Звуки всё приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную крапиву в пучок и села возле него. В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья. Собаки громко лаяли и бегали взад и вперёд. Скоро у пещеры собрались все охотники. Самый красивый из них был король той страны; он подошёл к Элизе. Никогда ещё не встречал он такой красавицы!

— Как ты попала сюда, прелестное дитя? — спросил он, но Элиза только покачала головой — она ведь не смела говорить: если бы она сказала хотя бы одно слово, её братья погибли бы.

Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидел волдырей и царапин.

— Пойдём со мной! — сказал король. — Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так же добра, как и хороша, я наряжу тебя в шёлк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в великолепном дворце.

И он посадил её на седло перед собой.

Элиза горько плакала, но король сказал:

— Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня.

И он повёз её в горы, а охотники скакали следом.

К вечеру перед ними показалась великолепная столица короля, с дворцами и башнями, и король ввёл Элизу в свой дворец. В высоких мраморных

покоях журчали фонтаны, а стены и потолки были расписаны красивыми картинами. Но Элиза ни на что не смотрела, она плакала и тосковала. Служанки надели на неё королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на её обожжённые пальцы тонкие перчатки.

В богатых уборах Элиза была так прекрасна, что весь двор преклонился перед ней, а король провозгласил её своей невестой. Но королевский епископ покачал головой и стал нащёптывать королю, что немая красавица, должно быть, лесная колдунья — она околдовала сердце короля.

Король не стал его слушать, он подал знак музыкантам, велел позвать лучших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повёл Элизу через благоухающие сады в великолепные покои. Но Элиза по-прежнему была грустной и печальной. Тогда король открыл дверцу в маленькую комнату возле спальни Элизы. Комната вся была увешана зелёными коврами и напоминала лесную пещеру, где король нашёл Элизу. На полу лежала связка крапивы, а на стене висела сплетённая Элизой рубашка. Всё это, как дикуинку, захватил с собой из лесу один из охотников.

— Тут ты можешь вспоминать свое прежнее жилище, — сказал король. — А вот и твоя работа. Может быть, ты пожелаешь иногда развлечься среди окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом.

Увидев свою крапиву и сплетённую рубашку, Элиза радостно улыбнулась и поцеловала руку короля, а он прижал её к своей груди.

Епископ продолжал нащёптывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля. На другой день сыграли свадьбу. Епископ сам должен

был надеть на невесту корону; с досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно, но Элиза даже не заметила этого. Она всё думала о своих милых братьях. Губы её по-прежнему были сжаты, ни единого слова не вылетало из них, зато в её глазах светилась горячая любовь к доброму, красивому королю, который делал всё, чтобы только порадовать её. С каждым днём она привязывалась к нему всё больше и больше. О, если бы она могла рассказать о своих страданиях! Но она должна была молчать, пока не окончит своей работы.

По ночам она тихонько уходила в свою потайную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку за другой. Уже шесть рубашек были готовы, но когда она принялась за седьмую, то увидела, что крапивы у неё больше нет.

Элиза знала, что может найти такую крапиву на кладбище. И вот ночью она потихоньку вышла из дворца.

Сердце её сжималось от страха, когда она пробиралась лунной ночью на кладбище по длинным аллеям сада, а потом по пустынным улицам.

На кладбище Элиза нарвала крапивы и вернулась домой.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел Элизу. Это был епископ.

Утром епископ пришёл к королю и рассказал ему о том, что он видел ночью.

— Прогони её, король, она злая колдунья! — нащёптывал епископ.

— Неправда, Элиза невиновна! — ответил король, но всё же сомнение закралось в его сердце.

Ночью король только притворился, что спит. И вот он увидел, что Элиза встала и скрылась из спальни. В следующие ночи повторилось то же самое: король не спал и видел, как она исчезала в своей потайной комнатке.

Король становился всё мрачнее и мрачнее. Элиза видела это, но не понимала, чем недоволен король. Сердце её ныло от страха и от жалости к братьям; на её королевское платье катились горькие слёзы, блестевшие как алмазы, а люди, видевшие её богатые уборы, завидовали ей. Но скоро, скоро конец её работе. Уже десять рубашек было готово, но на одиннадцатую опять не хватило крапивы. Ещё раз, последний раз, нужно было пойти на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Она с ужасом подумала о пустынном кладбище и всё-таки решила идти туда.

Ночью Элиза вышла тайком из дворца, но король и епископ следили за ней, и они увидели, как Элиза скрылась за кладбищенской оградой. Что могла делать королева ночью на кладбище?..

— Теперь ты сам видишь, что она злая колдунья, — сказал епископ и потребовал, чтобы Элизу сожгли на костре.

И король должен был согласиться.

Элизу посадили в тёмное, сырое подземелье с железными решётками на окнах, в которые со свистом врвался ветер. Ей бросили охапку крапивы, которую она нарвала на кладбище. Эта жгучая крапива должна была служить Элизе изголовьем, а сплетённые ею жёсткие рубашки — постелью. Но ничего другого Элизе и не надо было. Она снова принялась за работу.

Вечером у решётки раздался шум лебединых крыльев. Это самый младший из братьев отыскал свою сестру, и Элиза громко зарыдала от радости,

хотя и знала, что ей осталось жить всего одну ночь. Зато работа её подошла к концу, и братья были тут!

Всю ночь плела Элиза последнюю рубашку. Мыши, бегавшие по подземелью, сжалились над ней и, чтобы хоть немножко помочь ей, стали собирать и приносить к её ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решётчатым окном, утешал её своей песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, к дворцовым воротам пришли одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы их впустили к королю. Им ответили, что это невозможно: король ещё спал и никто не смел его беспокоить. Но они не уходили и продолжали просить. Король услышал чьи-то голоса и выглянул в окно, чтобы узнать, в чём дело. Но в эту минуту взошло солнце, и братья Элизы исчезли. Король увидел только, как взвились в небо одиннадцать диких лебедей.

Народ толпами шёл за город посмотреть на казнь королевы. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на Элизу надели рубаху из грубого холста; её чудные длинные волосы были распущены по плечам, а лицо её было бледным, как снег. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук своей работы: десять рубашек лежали у её ног совсем готовые, одиннадцатую она продолжала плести.

— Посмотрите на ведьму!— кричали в толпе.— Она не расстанется со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у неё да разорвём в клочки!

Чьи-то руки уже протянулись к телеге, чтобы вырвать у Элизы зелёную рубашку, но вдруг прилетели одиннадцать лебедей. Они сели по краям телеги и шумно захлопали своими могучими крыльями. Испуганный народ расступился в стороны.

— Белые лебеди слетели с неба! Она невинна!— шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

И вот палач уже схватил Элизу за руку, но она быстро набросила на лебедей зелёные рубашки, и, чуть только рубашки коснулись их перьев, все одиннадцать лебедей обратились в красивцев принцев.

Лишь у самого младшего вместо левой руки осталось лебединое крыло: Элиза не успела доплести рукав на последней рубашке.

— Теперь я могу говорить!— сказала Элиза.— Я невинна!

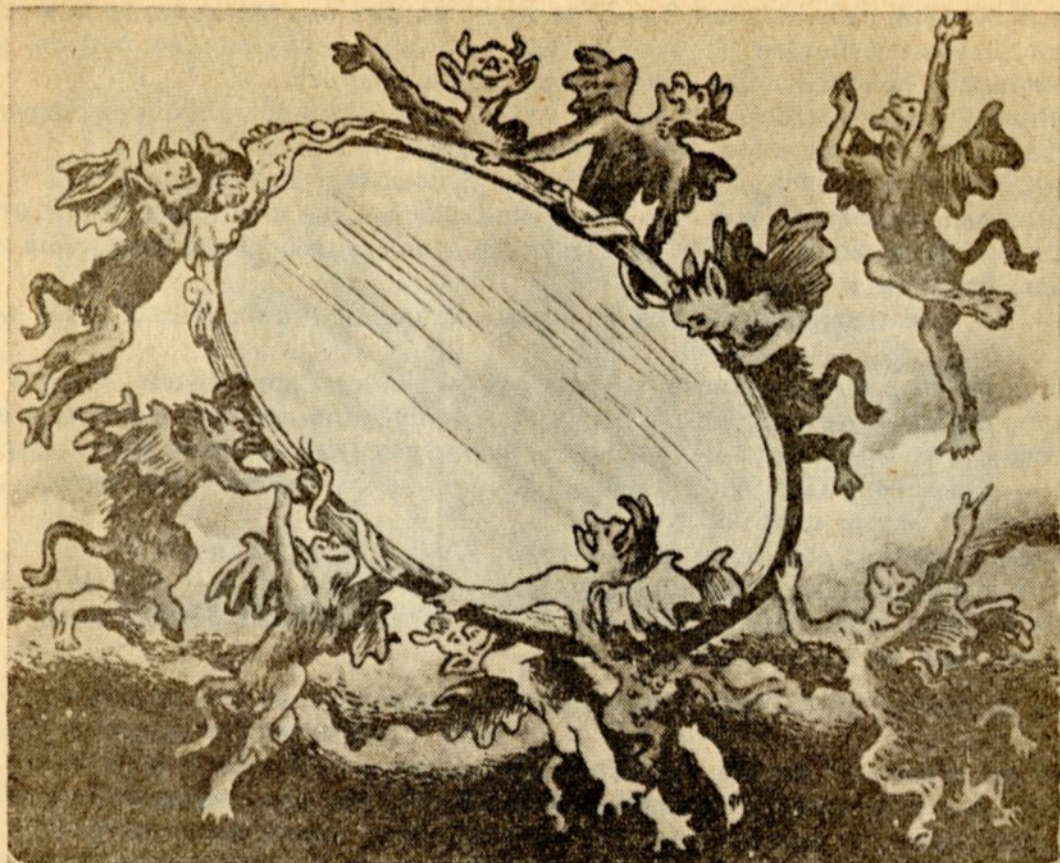
И народ, видевший всё, что произошло, преклонился перед ней и стал прославлять её, но Элиза без чувств упала в объятия братьев. Она была измучена страхом и болью.

— Да, она невинна,— сказал самый старший принц и рассказал всё, как было.

А пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, словно от миллионов роз: это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и вот на том месте, где хотели сжечь Элизу, вырос высокий зелёный куст, покрытый красными розами. А на самой верхушке куста блестел, как звезда, ослепительно белый цветок.

Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она очнулась.

Тут все колокола в городе зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое счастливое шествие, какого не видывал ещё ни один король!

С Н Е Ж Н А Я К О Р О Л Е В А

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

в которой говорится о зеркале и его осколках

Ну, начнём! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил однажды тролль, злющий-презлющий, как сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, всё же негодное и безобразное, напротив, так и бросалось в глаза и казалось ещё хуже. Прекраснейшие пейзажи выглядели в нём варёным шпинатом, а лучшие из людей — уродами или казались стоящими кверху ногами и без животов, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

— Теперь только, — говорили они, — можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот они бегали с зеркалом повсюду. Скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нём в искажённом виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба.

Всё выше и выше летели они, и вдруг зеркало так перекошило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Миллионы, миллионы и ещё гораздо больше его осколков наделали несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые из них, величиной всего с песчинку, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть всё навыворот или замечать в каждой вещи одно лишь дурное, так как каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось прежде целое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие — такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были такие осколки, которые пошли на очки; только беда была, если люди надевали их, чтобы смотреть на вещи и судить о них вернее.

Злой тролль хохотал до коллик в животе и наслаждался, словно его щекотали. А по свету летало ещё много осколков зеркала. Послушаем же!

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удаётся отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка.

Родители их жили под самой крышей в двух смежных домах. Там, где кровли домов почти сходились, под выступами кровель шёл водосточный жёлоб, и туда как раз были обращены чердачные окошки обеих семей. Таким образом, стоило только перешагнуть с одного жёлоба на другой — и вы попали к соседям.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли овощи и небольшие кусты роз — в каждом по одному; кусты чудесно разрастались. Родителям пришло в голову поставить эти ящики поперёк желобов, и словно цветущие грядки протянулись от одного окна к другому. Горох спускался из ящиков зелёными гирляндами, розовые кусты обрамляли окна и сплетались ветвями; а мальчик и девочка ходили друг к другу по крыше в гости и сидели на скамеечке под розами. Тут они чудесно играли.

Зимой окна зачастую замерзали, и это удовольствие прекращалось. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замёрзшим стёклам — сейчас же оттаивало чудесное отверстие, такое круглое-круглое, а в него выглядывал весёлый, ласковый глазок — это смотрели, каждый из

своего окна, мальчик и девочка: Кай и Герда. Летом они в один прыжок могли очутиться друг у друга, а зимою надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе же ветер крутил снег.

— Это роятся белые пчёлки!— говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева?— спрашивал мальчик: он знал, что у настоящих пчёл есть такая.

— Есть,— отвечала бабушка.— Она там, где рой всего гуще, она больше всех и никогда подолгу не остаётся на земле — всегда взлетает на чёрное облако. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки, и стёкла тогда покрываются ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели!— говорили дети и верили, что всё это суцая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда?— спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует!— сказал мальчик.— Я посажу её на теплую печку, вот она и растает.

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький, оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль,

сотканный, казалось, из миллионов снежных звёздочек. Она была так прелестна и нежна, но изо льда, из ослепительного, сверкающего льда, и всё же живая! Глаза её сияли, как звёзды, но в них не было ни теплоты, ни покая. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и прыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнце светило, зелень опять показалась из земли, ласточки вили под крышей гнёзда, окна растворили, и дети снова сидели в своём садике высоко над всеми этажами.

В то лето розы цвели особенно пышно.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на солнечное сияние и разговаривали с ним. Один раз Кай и Герда рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай!— вскрикнул вдруг мальчик.— Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею; он мигал глазами, но ни в одном ничего не было видно.

— Должно быть, выскочило,— сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. Это был как раз крошечный осколок дьявольского зеркала.

Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль прошла, но сам осколок остался.

— О чём же ты плачешь?— спросил он Герду.— Мне совсем не больно. Какая ты делаешься некрасивая! Фу!— закричал он затем.— Эту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он толкнул ящик ногою и обломал две розы.

— Кай, что ты делаешь?— закричала девочка, а он, увидя её испуг, сорвал ещё одну и убежал от миленькой маленькой Герды в своё окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных детей, рассказывала ли что-нибудь бабушка, он придирался к её словам. А потом... дошёл до того, что крался за ней, передразнивая её походку, стал надевать очки, подражать её голосу. Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик выучился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а затем и в сердце. Потому-то он и передразнивал даже маленькую миленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудрёными. Раз зимою, когда шёл снег, он явился с большим увеличительным стеклом и подставил под снег полу своего синего пальто.

— Погляди в стекло, Герда,— сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на са-

мом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Это было очень красиво.

— Видишь, как искусно сделано!— сказал Кай.— Это гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы только они не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиной, крикнул Герде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площадке с другими мальчиками!»— и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и прокатывались таким образом довольно далеко. Веселье кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел кто-то, укутанный в белую меховую шубу и в такой же шапке. Сани объехали вокруг площади два раза. Кай живо привязал к ним свои санки и покатился. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он продолжал ехать.

Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, да так густо, что Кай не мог видеть своей протянутой руки. Мальчик поспешил отпустить верёвку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к ним и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его. Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал.

Снежные хлопья всё росли и превратились под конец в больших белых куриц. Вдруг птицы разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались!— сказала она.— Но ты совсем замёрз — полезай ко мне в медвежью шубу!

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу. Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Всё ещё мёрзнешь?— спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда, он пронзил его насквозь и дошёл до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Каю показалось, что он сейчас умрёт... Но это только на одну минуту, а потом, напротив, ему стало хорошо, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки!— спохватился он прежде всего о санках.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Каю ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя,— сказала она.— А не то зацелую до смерти.

Кай взглянул на неё. Она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему головой.

Он совсем не боялся её и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да ещё с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он в самом деле знает мало.

В тот же миг Снежная королева подхватила его, и они взвились на чёрное облако. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком чёрные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь,— днём он спал у ног Снежной королевы.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? И куда он девался? Никто этого не знал.

Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большому великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота.

Много было пролито слёз; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что Кай умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернётся!— сказала Герда.

— Не верю!— отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернётся!— повторила она ласточкам.

— Не верим!— ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои красные башмачки (Кай ни разу ещё не видал их),— сказала она однажды утром,— да пойду к реке спросить про него.

Было ещё очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинёшенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного братца? — спросила Герда. — Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей. Тогда она сняла свои красные башмачки — самое драгоценное, что у неё было, — и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же выбросили их, — река как будто не хотела брать у девочки её драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от её движения стала медленно отплывать от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на берег, но пока она пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла далеко от берега и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьёв, не слышал её криков. Воробьи же не могли перенести её на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая её утешить:

— Мы здесь! Мы здесь!

Лодку уносило всё дальше. Герда сидела смиренно, в одних чулках; красные башмачки её плыли за лодкой, но не могли догнать её.

«Может быть, река несёт меня к Каю!» — подумала Герда, повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелёными берегами.

Но вот она приплыла к большому вишнёвому саду, в котором приютился домик с красными и синими стёклами в окошках и с соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали честь всем, кто проплывал мимо.

Герда закричала им — она приняла их за живых, — но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним ещё ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала ещё громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты, бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула её к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радёшенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побавалась чужой старухи.

— Ну, пойдём. Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всём, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Когда девочка кончила, она спросила старуху, не видела ли она Кая. Та ответила, что он ещё не проходил тут, но, верно, пройдёт, так что девочке пока не о чем горевать, пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от пола и все из разноцветных — красных, голубых и жёлтых — стёклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка с чудесными вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно. Пока же она ела,

старушка расчёсывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и золотым сиянием окружали милое, приветливое, круглое, словно роза, личико девочки.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку!— сказала старушка.— Вот увидишь, как ладно мы заживём с тобой!

И она продолжала расчёсывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названного братца Кая — старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде этих роз вспомнит о своих розах, а там и о Кае, да и убежит от неё.

Потом старушка повела Герду в цветник. Тут были цветы всех родов и всех времён года. Во всём свете не нашлось бы книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишнёвыми деревьями. Тогда её уложили в чудесную постельку с красивыми шёлковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились такие сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть в чудесном цветнике на солнце. Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветочек, но, как ни много их было, ей всё-таки казалось, что какого-то недостаёт, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпку старушки, расписанную цветами; самым красивым из них как раз была роза — старушка забыла её стереть, когда загнала живые розы в землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз?— сказала Герда и сейчас же побежала искать их на грядках.

Искала, искала, да так и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Тёплые слезы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю, куст мгновенно вырос из неё, такой же цветущий, как прежде.

Герда обвила его ручонками, принялась целовать цветы и вспомнила о тех чудесных розах, что цвели у неё дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась!— сказала девочка.— Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он?— спросила она у роз.— Верите ли вы тому, что он умер и не вернётся больше?

— Он не умер!— сказали розы.— Мы ведь были под землёю, где все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам!— сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала:— Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории. Много их выслушала Герда, но ни один из цветов не сказал ни слова о Кае.

И Герда пошла к одуванчику, сиявшему в блестящей зелёной траве.

— Ты, маленькое ясное солнышко!— сказала ему Герда.— Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названного братца?

Одуванчик засиял ещё ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

— Был первый весенний день, солнце горело и так приветливо светило на маленький дворик. Лучи его скользили по белой соседней стене, и возле самой стены из зелёной травки выглядывали первые жёлтенькие цветочки, сверкающие на солнце, словно золотые. Во двор вышла посидеть старушка-бабушка. Вот пришла из гостей её внучка, бедная служанка, и крепко поцеловала старушку. Поцелуй девушки дороже золота — он идёт прямо от сердца. Золото на её губах, золото в сердце, золото и на небе в утренний час! Вот и всё!— сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка!— вздохнула Герда.— Верно, она скучает обо мне. Верно, горюет, как горевала о Кае. Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и спрашивать цветы — от них ничего не добьёшься, они знают только свои сказки и песенки!— И она побежала в конец сада.

Дверь была заперта, но Герда так долго шатала ржавый засов, что он подался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дороге. Раза три оглядывалась она назад, но никто не гнался за нею.

Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времён года, этого не было заметно.

— Господи! Как я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха!— сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли её бедные усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь мир!

ИСТОРИЯ ЧЕТВЁРТАЯ

Принц и принцесса

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон. Он долго смотрел на девочку, кивая ей головою, и наконец заговорил:

— Кар-кар! Здррравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил её, куда это она бредёт по белу свету совсем одна. Слово «одна» Герда поняла отлично и сразу почувствовала всё его значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Очень вероятно, очень вероятно!

— Как! Правда?— воскликнула девочка и чуть не задушила ворона по целуями.

— Потише, потише!— сказал ворон.— Я думаю, что это был твой Кай. Но теперь он, верно, забыл тебя со своею принцессой!

— Разве он живёт у принцессы?— спросила Герда.

— А вот послушай,— сказал ворон.— Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всём куда лучше.

— Нет, этому меня не учили,— сказала Герда.

— Ну ничего,— сказал ворон.— Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всём, что сам знал:

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты на свете и позабыла всё, что в них прочла,— вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне — а веселья-то в этом не слишком много, как говорят люди,— и напевала песенку: «Отчего бы мне не выйти замуж?» «А ведь и в самом деле!»— подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать,— это ведь так скучно! И вот барабанным боем созвали всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Всё это истинная правда!— прибавил ворон.— У меня при дворе есть невеста — она ручная ворона,— от неё-то я и знаю всё это.

На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберёт себе в мужья. Да, да!— повторил ворон.— Всё это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою. Народ повалил во дворец валом, пошла давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только её же последние слова, а ей вовсе не это было нужно. Право, их всех точно опаивали дурманом! А выйдя за ворота, они опять обретали дар слова. От самых ворот до дверей тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам там был и видел.

— Ну а Кай-то, Кай?— спросила Герда.— Когда же он явился? И он пришёл свататься?

— Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и прямо вошёл во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай!— обрадовалась Герда.— Я нашла его!— И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка,— продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки!— сказала Герда.— Он ушёл из дому с санками.

— Очень возможно,— сказал ворон.— Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головой и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы были залиты светом. Тайные советники и превосходительства расхаживали без сапог, разнося золотые блюда,— торжественнее уж нельзя было! А его сапоги громко скрипели, он этим не смущался.

— Это, наверно, Кай!— воскликнула Герда.— Я знаю, что на нём были новые сапоги. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да, они-таки скрипели порядком,— продолжал ворон.— Но он смело подошёл к принцессе. Она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры с камердинерами, слугами камердинеров и прислужниками камердинерских слуг. Чем ближе кто-нибудь стоял к дверям, тем важнее, надменнее держался. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без дрожи — такой он был важный!

— Вот страх-то!— сказала Герда.— А Кай всё-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи,— так, по крайней мере, сказала мне моя ручная невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришёл не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже.

— Да, да, это Кай!— сказала Герда.— Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да ещё с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать,— отвечал ворон,— да как это сделать. Постой, я поговорю с моей ручной невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

— Меня впустят!— сказала Герда.— Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас же прибежит за мною.

— Подожди меня тут у решётки,— сказал ворон, повертел головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлёт тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты всё-таки попа-

дѣшь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с чёрного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, где один за другим падали осенние листья, и, когда все огоньки в дворцовых окнах погасли, ворон провёл девочку в маленькую полуотворѣнную дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Точно она собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли её Кай! Да, да, он, верно, здесь! Герда так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы; она ясно видела, как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. Он, вероятно, обрадуется, когда увидит её, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, и узнает, как горевали о нём все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости.

Но вот они и на площадке лестницы. На шкафу горела лампочка, а на полу сидела ручная ворона и поглядывала по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила её бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! — сказала ручная ворона. — И ваша жизнь также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперёд. Мы пойдём прямою дорогой, тут мы никого не встретим.

— А мне кажется, кто-то идёт за нами, — сказала Герда, и в ту же минуту мимо неё с лёгким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Тем лучше для вас, удобнее будет рассмотреть спящих.

Тут они вошли в первую залу, где стены были обиты розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой. Герда была совсем ослеплена этой роскошью. Наконец они дошли до спальни. Потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стержень, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела тёмно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь, принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для неё вороны.

— Ах ты бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гnevаются на них, — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе — они подумали о старости — и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для неё сделать. А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!», закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы, всё это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день её одели с ног до головы в шёлк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает. Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадей и пару башмаков, — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного брата.

Ей дали и башмачки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала карета из чистого золота, с сияющими, как звёзды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и фореиторов — ей дали и фореиторов — красовались на головах маленькие золотые короны.

Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути.

Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею — он не мог ехать, сидя спиной к лошадям. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не ехала провожать Герду; потому что страдала головными болями, с тех пор как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай, прощай! — кричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Так проехали они первые три мили. Тут простился с девочкой и ворон. Тяжёлое было расставанье! Ворон взлетел на дерево и махал чёрными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая как солнце, не скрылась из виду.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ

Маленькая разбойница

Вот Герда въехала в тёмный лес, в котором жили разбойники; карета горела как жар, она резала разбойникам глаза, и они этого не потерпели.

— Золото! Золото! — кричали они, схватили лошадей под уздцы, убили маленьких фореиторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь какая славенькая, жиренькая! Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жёсткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жиренькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай! — кричала она вдруг: её укусила за ухо её собственная дочка, которая сидела у неё за спиной и была такая необузданная и своевольная, что любо. — Ах ты, дрянная девчонка! — кричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, своё хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали.

— Ишь как пляшет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету! — кричала маленькая разбойница и настояла на своём — она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и по кочкам в чащу леса.

Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у неё были совсем чёрные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьёзно поглядела на неё, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отёрла слёзы Герде, а потом спрятала обе руки в её хорошенькую мягкую и тёплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка.

Он весь был в огромных трещинах; из них вылетели вороны и вёроны. Откуда-то выскочили огромные бульдоги; казалось, каждый из них легко проглотит человека, но они только высоко подпрыгивали в воздух и даже не лаяли — это было запрещено.

Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь. Дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выход. Над огнём кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жёрдочках больше сотни голубей. Все они, казалось, спали, но, когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так трянула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянной решёткой. — Эти двое — лесные плутишки. Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина башка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерёт! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом, — он до смерти этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты спишь с ножом? — спросила её Герда, покосившись на острый нож.

— Всегда!— отвечала маленькая разбойница.— Как знать, что может случиться! Но Расскажи мне ещё раз о Каяе и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали. Маленькая разбойница обвила одною рукой шею Герды — в другой у неё был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют её или оставят в живых.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, ещё лежали в гнезде. Она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите!— воскликнула Герда.— Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

— Она полетела, наверно, в Лапландию — там ведь вечный снег и лёд. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лёд. Чудо как хорошо!— сказал северный олень.— Там прыгаешь себе на воле по огромным блестящим ледяным равнинам. Там раскинут летний шатёр Снежной королевы, а постоянные её чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген.

— О Кай, мой милый Кай!— вздохнула Герда.

— Лежи же смирно,— сказала маленькая разбойница.— Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия?— спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне!— отвечал олень, и глаза его заблестели.— Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

— Так слушай,— сказала Герде маленькая разбойница.— Видишь, все наши ушли, дома одна мать; немного погодя она хлебнёт из большой бутылки и вздремнёт, тогда я кое-что сделаю для тебя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Ещё долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом. Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отвезти ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку — там её названный брат. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а ты всегда подслушиваешь.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница подсадила на него Герду, крепко привязала её ради осторожности и даже подсунула под неё мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть,— сказала она затем,— возьми назад свои меховые сапожки — будет ведь холодно! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша. Но мёрзнуть я тебе не дам: вот огромные рукавицы моей матери, они

дойдут тебе до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руками ты похожа на мою безобразную мать.

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь ты должна радоваться. Вот тебе ещё два хлеба и окорок, чтобы тебе не пришлось голодать.

И то и другое было привязано к оленю.

Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом верёвку, которою был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги, смотри, девочку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали.

— Уф! Уф! — слышалось вдруг с неба, и оно словно зачихало огнём.

— Вот мое родное северное сияние! — сказал олень. — Глади, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днём, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот они очутились в Лапландии.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ Лапландка и финка

Олень остановился у жалкой избушки. Крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в неё на четвереньках.

Дома была одна старуха лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее.

Герда же так ооченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам ещё предстоит путь! Придётся сделать сто миль с лишним, пока доберётесь до Финляндии, где Снежная королева живёт на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу два слова на сушёной треске — бумаги у меня нет, — а вы снесёте её финке, которая живёт в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала два слова на сушёной треске, велела Герде хорошенько беречь её, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался.

— Уф! Уф! — слышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой до Финляндии и постучался в дымовую трубу финки — у неё и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в её жильё! Сама финка, низенькая толстая женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды платье, рукавицы и сапоги, иначе девочке было бы чересчур жарко, положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушёной треске.

Она прочла всё от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в котёл с супом — рыба ведь ещё годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазами, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина, — сказал олень. — Не изобразишь ли ты для девочки такое питьё, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

— Силу двенадцати богатырей! — сказала финка. — Да, много в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нём стояли какие-то удивительные письмена.

Финка принялась читать их и читала до того, что пот градом покатился с её лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слёз глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лёд, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— А не можешь ли ты дать Герде что-нибудь такое, что сделает её сильнее всех?

— Сильнее, чем она есть, я не могу её сделать. Не видишь разве, как велика её сила? Не видишь, что ей служат и люди, и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Но она не должна от нас узнать о силе, что живёт в её сердце; её сила в том, что она невинный милый ребёнок. Если она сама не сможет проникнуть в покои Снежной королевы и извлечь из сердца Кая

осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно.

С этими словами финка подсадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без тёплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами.

Тут он спустил девочку, поцеловал её в самые губы, и по щекам его покатались крупные блестящие слёзы. Затем он стрелой пустился назад.

Бедная девочка осталась одна, на трескучем морозе, без башмачков, без рукавиц.

Она побежала вперёд что было мочи. Навстречу ей нёсся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное, и на нём пылало северное сияние, — нет, они бежали по земле прямо на Герду и становились всё крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее, самых удивительных видов и форм и все живые.

Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоголовых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенной шерстью. Все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Но Герда смело шла всё вперёд и вперёд и наконец добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем.

Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она так близко от него.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

*Что случилось в чертогах Снежной королевы
и что случилось потом*

Стены чертогов были снежные метели, окна и двери были буйные ветры. Сотни огромных зал, смотря по тому, как наметала их вьюга, тянулись одна за другой. Все они были освещены северным сиянием, и самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда. Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракою и не сходились на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисички, — нет, никогда, никого! Холодно, пустынно, мёртво и грандиозно! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабнет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замёрзшее озе-

ро. Лёд треснул на нём на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то фокусом. Посреди озера восседала Снежная королева, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по её мнению, это было единственное и лучшее зеркало на свете.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого — поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и само сердце его было куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, которая называется китайской головоломкой. Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, но из льдин, и это называлось ледяной игрой разума. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала. Он складывал из льдин целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в тёплые края, — сказала Снежная королева.

И она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и всё думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте, такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замёрз.

В это-то время в огромные ворота, в которые вечно дули буйные ветры, входила Герда. И перед нею ветры улеглись, точно заснули. Она вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Она тотчас узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел всё такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слёзы её упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Кай взглянул на Герду и вдруг залился слезами, и плакал так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и обрадовался:

— Герда! Милая Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он огляделся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева. Сложив его, он мог сделаться сам себе господином да ещё получить от неё в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зацвели розами; поцеловала его в глаза, и они заблестали, как её; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Кай ничуть не страшился прибытия Снежной королевы — его отпускная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из ледяных чертогов. Они шли и говорили о бабушке, о розах, что цвели в их садике, и перед ними стихали буй-

ные ветры, проглядывало солнце. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень.

Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у неё и узнали дорогу домой, а потом — к лапландке. Та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Олень тоже провожал молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с ним и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелёными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетом за поясом.

Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету — и девушку. Это была маленькая разбойница.

Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Но Герда потрепала её по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края, — отвечала молодая разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с чёрной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но всё это пустяки, а ты вот Расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всём.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет в город.

Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей.

Они шли, и по дороге расцветали весенние цветы, зеленела трава. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где всё было по-старому: маятник всё так же стучал «тик-так» и стрелка двигалась по циферблату. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими, как тяжёлый сон.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло тёплое благодатное лето.

СОДЕРЖАНИЕ

ОГНИВО

3

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

10

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

24

Ханс-Кристиан Андерсен

СКАЗКИ

Заведующий редакцией А. И. Белинский

Редактор Н. Ю. Памфилова

Обложка и титул А. Д. Рейпольского

Художественный редактор А. К. Тимошевский

Технический редактор Е. В. Траскевич

Корректор Т. В. Мельникова

ИБ № 5597

Сдано в набор 14.02.90. Подписано к печати 05.06.90.
Формат 84×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарн.
«Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 6,72.
Уч.-изд. л. 4,20. Тираж 1 000 000 экз. Заказ № 387.
Цена 45 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография
им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка,
57.

Андерсен Х.-К.

А71 Сказки. — Л.: Лениздат, 1990. — 47 с., ил.
ISBN 5-289-01124-2

В сказках Ханса-Кристиана Андерсена маленькие читатели встретятся с прекрасными принцессами, глухими королями и узнают удивительную историю Кая, Герды и Снежной королевы.

А 4804010100—227 без объявл.
М171(03)—90

84.4 Дания

